

Нет автора

**Отчет о тридцать первом присуждении
наград графа Уварова**

**Приложение к 63 тому Записок Имп. Академии
наук №9**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о тридцать первом присуждении наград графа Уварова: Приложение к 63 тому Записок Имп. Академии наук №9 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 143 с.

ISBN 978-5-458-00264-6

ISBN 978-5-458-00264-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

0

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1889 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.

Къ соисканію въ настоящемъ году наградъ графа Уварова было представлено самими авторами 7 сочиненій, относящихся къ различнымъ предметамъ русской и славянской исторіи; въ этомъ числѣ было шесть печатныхъ и одно рукописное. Кромѣ того въ соисканіи участвовало два сочиненія, отложенныя отъ предшествовавшаго Уваровскаго конкурса.

Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій и для присужденія премій Общимъ Собраніемъ Академіи была назначена, на основаніи правилъ, комисія, подѣ председательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ г.г. Академиковъ Я. К. Грота, А. Ѳ. Бычкова, А. Н. Веселовскаго, А. А. Куника, В. П. Безобразова, Н. Ѳ. Дубровина и Л. Н. Майкова.

При предварительномъ просмотрѣ переданныхъ на ея судъ трудовъ, комисія избрала для каждаго изъ нихъ рецензентовъ, отчасти изъ своей среды, отчасти изъ числа постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ сообщить подробные разборы сочиненій къ опредѣленному для того сроку.

По истеченіи этого срока комисія признала необходимымъ два сочиненія отложить до Уваровскаго конкурса будущаго года, за неполученіемъ въ свое время рецензій отъ тѣхъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ составленіе.

Затѣмъ по выслушаніи рецензій на прочіе конкурсные труды и по обсужденіи сравнительнаго достоинства этихъ послѣднихъ, комісія положила пять сочиненій удостоить Уваровскихъ наградъ, въ 500 р. каждая, а именно:

1) Сочиненіе Г. Шмурло: *Митрополитъ Евгений, какъ ученый. Ранніе годы жизни (1767—1804)*. Спб. 1888.

Разборъ этого сочиненія былъ, по приглашенію комісій, составленъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Ник. Нпк. Буличемъ, который призналъ, что авторъ, выказавшій въ своемъ трудѣ обширное знакомство съ литературою предмета, необычайное трудолюбіе и тщательность въ разработкѣ матеріаловъ, далъ сочиненіе, вполне удовлетворяющее требованіямъ современной науки и критики.

Подробному обзорѣню труда г. Шмурло почтенный рецензентъ предпосылаетъ общую характеристику значенія митр. Евгенія въ отечественной литературѣ, и указаніе о недостаточномъ еще до сихъ поръ знакомствѣ нашемъ съ трудами этого замѣчательнаго дѣятеля въ области русской науки.

Поэтому къ замыслу г. Шмурло познакомить современное общество съ симпатичною личностью Евгенія Болховитинава нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ.

Основанное на знакомствѣ съ подлинными рукописями митр. Евгенія, сочиненіе г. Шмурло заключаетъ въ себѣ девять главъ, изъ которыхъ 8 посвящены жизнеописанію и литературной дѣятельности Евгенія до начала 1804 г., т. е. до посвященія его въ епископы Новгородскіе, девятая-же содержитъ въ себѣ характеристику личности іерарха.

Авторъ поставилъ себѣ задачу довольно широкую: изучить личность въ тѣсной связи съ современной эпохой и опредѣлить мѣсто Евгенія въ ряду другихъ дѣятелей русской исторической науки.

Обращаясь къ частному разсмотрѣнію каждой отдѣльной главы труда г. Шмурло, рецензентъ находитъ, что, объясняя ходъ развитія митр. Евгенія, авторъ въ первой главѣ совершенно правильно останавливаетъ свое вниманіе на положеніи духовныхъ училищъ во время пребыванія Болховитинава въ Воронежской семинаріи, въ тѣ годы царствованія Екатерины II, когда она съ такимъ рвеніемъ и увлеченіемъ заботилась о народномъ образованіи.

Во второй главѣ трактуется о годахъ ученія, проведенныхъ Евгеніемъ въ Московской Академіи, гдѣ онъ только и могъ получить научное направленіе. Хотя авторъ и пытается опровергнуть слова г. Тихомирова, что ясный и положительный умъ Болховитинова рано почувствовалъ бѣдность и неполноту схоластическаго образованія въ Академіи, однако, по мнѣнію рецензента, несомнѣнно, что своими широкими научными стремленіями, своими гуманными взглядами на многое, своимъ уваженіемъ къ европейскому просвѣщенію и его представителямъ, своими литературными симпатіями и антипатіями Болховитиновъ обязанъ былъ лекціямъ нѣмецкихъ профессоровъ Московскаго университета, куда онъ записался, какъ это часто дѣлали тогда академики. Эти-же лекціи спасли Евгенія отъ вліянія масонскихъ и мистическихъ идей Новиковскаго кружка. Хорошее знакомство съ двумя классическими языками и съ языками французскимъ и нѣмецкимъ давали Евгенію средство поддерживать въ себѣ свѣжесть умственныхъ интересовъ и впослѣдствіи, уже въ званіи префекта Воронежской семинаріи, Евгеній своими литературными вкусами и широкою терпимостью идей является исключеніемъ между своими современниками.

Оцѣнивая, для разясненія развитія личности Евгенія, вліяніе на него университета и отношенія будущаго іерарха къ Московскимъ образованнымъ кружкамъ, рецензентъ хотя и соглашается, что вліяніе школы и кружка Бантышъ-Каменскаго внушали любознательность, будили умъ, давали просторъ мысли, но прибавляетъ къ этому, что получи Евгеній образованіе въ специальной школѣ, которая приготовляла бы къ опредѣленной научной дѣятельности, онъ, безъ сомнѣнія, при своей жаднѣ знанія и неустанномъ трудолюбіи, сдѣлался бы извѣстнымъ и глубокимъ ученымъ въ одномъ направленіи; но такой школы въ нашемъ отечествѣ въ то время не было; школа, его воспитавшая, можетъ быть широкая по идейному содержанію, не могла приготовить специалистовъ.

Пять большихъ главъ (съ III по VII) посвящены изслѣдователемъ жизни Евгенія на родинѣ, въ Воронежѣ, его службѣ въ тамошней семинаріи и его ученымъ и литературнымъ трудамъ до переѣзда въ С.-Петербургъ. Особенный интересъ, по мнѣнію рецензента, представляетъ VI глава, которая знакомитъ насъ съ интересами литературнаго Воронежскаго кружка, говоритъ объ окружавшихъ тогда Евгенія лицахъ, между которыми особенно выдѣлялись учителя народнаго училища, воспитанные въ духѣ педагогическихъ идей царствованія Екатерины II, и знакомитъ съ тѣмъ

тяготѣніемъ къ міру, которымъ никогда не пренебрегалъ ученый іерархъ и которое постепенно, съ монашествомъ и годами, замѣнилось для него вполне научными интересами.

Наконецъ восьмая глава посвящена разсказу о 6-ти-лѣтней семейной жизни (1793—1799) Евгенія, и четыремъ годамъ пребыванія въ Петербургѣ (1801—1804), преисполненнымъ служебныхъ и литературныхъ заботъ.

Въ послѣдней, девятой, главѣ авторъ пытается начертать изображеніе личности Евгенія. Г. Шмурло думаетъ, что въ 1804 году, когда Евгеній былъ назначенъ епископомъ въ Новгородъ, его личность, какъ человѣка и писателя, сложилась окончательно. Это даетъ автору поводъ собрать во-едино разбросанныя черты индивидуальности Евгенія и представить общую его характеристику. По мнѣнію Н. Н. Булича, эта заключительная глава страдает неопредѣленностью, отрывистостью и нѣкоторою туманностью—особенно тамъ, гдѣ говорится о нравственныхъ свойствахъ Евгенія; она написана преждевременно, такъ какъ этотъ конечный и общій выводъ былъ бы умѣстенъ лишь по завершеніи всего задуманнаго г-мъ Шмурло труда о жизни и ученой дѣятельности Евгенія. Это скороспѣлое заключеніе, впрочемъ, вызвано требованиями чисто практическаго свойства: книга г. Шмурло должна была служить магистерскою диссертациею и, какъ таковая, должна была представлять собою самостоятельное цѣлое, давая общіе выводы изъ всего разсужденія.

Хотя въ этой главѣ авторъ, въ своемъ увлеченіи, приходитъ къ заключеніямъ, иногда неожиданнымъ и мало основательнымъ, тѣмъ не менѣе наиболѣе примѣчательная черта ума мнтр. Евгенія вполне вѣрно подмѣчена и объяснена высотой духовнаго развитія Болховитинова — мы говоримъ объ отсутствіи всякаго признака узкаго схоластическаго взгляда на явленія, лежащія внѣ круга церковно-религіозныхъ объясненій.

«Отъ знакомства съ книгою г. Шмурло, заканчиваетъ Н. Н. Буличъ свою рецензію, у меня осталось весьма благопріятное впечатлѣніе. Не говоря объ интересѣ самаго содержанія, посвященнаго одному изъ пріятнѣйшихъ и безкорыстныхъ дѣятелей въ области науки о нашемъ историческомъ прошломъ, сочиненіе г. Шмурло заключаетъ въ себѣ много достоинствъ, по которымъ на него нельзя смотрѣть, какъ на заурядную диссертацию на степе нъ Исслѣдованіе стоило большаго труда, труда крайне добросовѣстнаго и кропотливаго. Авторъ, изучивъ массу печатнаго и рукописнаго

матеріала, даетъ нѣкоторые факты и свѣдѣнія, никѣмъ прежде не упомянутые, никому неизвѣстные. Авторъ безпристрастенъ, онъ не увлеченъ личностью Евгенія, какъ это случается съ молодыми біографами; онъ видитъ и недостатки его, онъ судитъ совершенно спокойно, исторически. Кажется полнѣе этого изслѣдованія и нельзя ничего себѣ представить. Но насъ занимаетъ вопросъ, тѣсно связанный съ желаніемъ продолженія добросовѣстнаго труда г. Шмурло. Имъ разсмотрѣно только начало ученой дѣятельности Евгенія. Впередѣ еще болѣе 30 лѣтъ этой дѣятельности, больше трудовъ, содержаніе которыхъ и значительнѣе и полнѣе опредѣляетъ научныя достоинства Евгенія. Если біографъ и къ нимъ отнесется съ такимъ же вниманіемъ, то не увеличитъ ли это чрезвычайно размѣры будущаго его труда и не охладѣетъ ли самъ авторъ, представляя себѣ эти размѣры?»

«Желаніе привлечь трудолюбиваго изслѣдователя къ продолженію работы надъ Евгеніемъ и есть съ моей стороны, прибавляетъ рецензентъ, одинъ изъ мотивовъ — замѣчу второстепенныхъ, почему я позволяю себѣ полагать, что сочиненіе г. Шмурло достойно меньшей Уваровской награды. Главныя-же мотивы къ этому заключаются въ самомъ достоинствѣ сочиненія — эти достоинства какъ бы предвидѣны въ заключительныхъ словахъ § 6 Положенія о наградахъ гр. Уварова».

2) Н. В. Губерти. *Матеріалы для русской бібліографіи — Хронологическое обозрѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ русскихъ книгъ XVIII столѣтія, напечатанныхъ въ Россіи гражданскимъ шрифтомъ 1725—1800. Выпускъ I. М. 1878, выпускъ II. М. 1881 и рукописное приращеніе къ I-му и II выпускамъ.*

Разборъ этого сочиненія былъ составленъ Адъюнктомъ Академіи Леонид. Ник. Майковымъ.

Вслѣдъ за старыми бібліографическими трудами Сопикова и Смирдина, обнимающими русскую печать прошлаго столѣтія если не во всей полнотѣ, то, по крайней мѣрѣ, во всемъ ея объемѣ, съ половины текущаго столѣтія, когда принялись у насъ за разработку исторіи русской литературы, появляется рядъ бібліографическихъ трудовъ Ал. П. Соколова, П. П. Пекарскаго, А. О. Бычкова, П. А. Ефремова, Я. О. Березина-Ширяева, Геннадіи, А. Н. Неустроева и др. Задачею этихъ послѣднихъ стало подробное изученіе бібліографическаго матеріала, въ видѣ описанія отдѣльных книжныхъ собраній, описанія книгъ, вышедшихъ въ теченіе опредѣ-

ленныхъ періодовъ XVIII в., и наконецъ описанія книгъ того-же времени по извѣстнымъ категоріямъ и по специальнымъ отраслямъ знанія.

Къ этой же группѣ библиографическихъ трудовъ относится и трудъ Н. В. Губерти.

Почтеннымъ составителемъ *Матеріаловъ* въ I вып. описано 200 книгъ, вышедшихъ въ періодъ времени съ 1720 по 1775 г.; во II выпускѣ—200 книгъ, изданныхъ съ 1776 по 1800 г. и наконецъ въ рукописномъ добавленіи—181 книга, причемъ вошедшія въ добавленіе статьи весьма цѣны и ставятъ рукописную часть труда г. Губерти въ ровень съ изданными уже двумя выпусками.

Въ предисловіи къ рукописному добавленію авторъ самъ сознается, что и этою третьею частью онъ не могъ исчерпать всего рѣдкаго и замѣчательнаго, что представляетъ собою русская печать трехъ четвертей XVIII вѣка и эта оговорка даетъ право надѣяться, что г. Губерти будетъ еще продолжать свою работу.

Въ своемъ трудѣ, авторъ ограничилъ свою задачу тѣмъ, что вмѣсто описанія всѣхъ произведеній русской печати указаннаго выше періода времени представилъ лишь обзорѣніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ даннаго времени. Впрочемъ употребленное г. Губерти выраженіе «рѣдкія и замѣчательныя книги» нельзя признать вполне удачнымъ, такъ какъ въ сущности, хотя г. Губерти и принадлежитъ честь указанія нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ книжныхъ рѣдкостей, которыя едва-ли кому нибудь были извѣстны до него, тѣмъ не менѣе матеріалы содержатъ въ себѣ описаніе не только книгъ рѣдкихъ въ собственномъ смыслѣ слова, но еще и многихъ другихъ, только замѣчательныхъ, изъ періода 1725 по 1800 г.

О планѣ отдѣльныхъ описаній скажемъ словами самаго автора: Порядокъ обзорѣнія принять предпочтительно хронологическій, какъ болѣе соответствующій цѣли задачи; въ примѣчаніяхъ къ каждой книгѣ, смотря по степени ея важности и значенія въ литературѣ, излагается болѣе или менѣе пространно ея содержаніе, причемъ не упущены изъ вида предисловія, замѣчательныя иногда по своеобразности или объясняющія цѣль или планъ самаго сочиненія; въ первомъ случаѣ они выписываются вполне, въ послѣднемъ изъ нихъ приводится то, что необходимо для поясненія текста книги, изъ котораго также, смотря по надобности, дѣлаются выписки. При переводахъ произведеній иностранныхъ литературъ указаны имена авторовъ и переводчиковъ, съ

упоминаніемъ заглавія и года подлинника. Этотъ планъ тщательно выполненъ съ замѣчательною послѣдовательностью. Скорѣе можно упрекнуть автора въ избытокъ подробностей, чѣмъ въ недомолвкахъ; но эти подробности оказываются всегда занимательными и поучительными.

Описаніе книгъ и изложеніе ихъ содержанія г. Губерти нерѣдко сопровождается біографическими извѣстіями объ авторахъ и переводчикахъ и вообще историко-литературными замѣчаніями разнаго рода, при чемъ обнаруживаетъ хорошее знакомство съ нашею научною литературою.

Въ заключеніе своей рецензіи Л. Н. Майковъ признаетъ «Матеріалы» г. Губерти весьма полезнымъ приобрѣтеніемъ для бібліографин. Трудъ исполненный чрезвычайно тщательно, съ большимъ знаніемъ дѣла и несомнѣнною любовью къ нему, сочиненіе это содержитъ въ себѣ не только богатый запасъ точно проверенныхъ свѣдѣній о нашей книжной старинѣ XVIII в., но и вноситъ въ общее обращеніе много новыхъ или малозвѣстныхъ данныхъ изъ литературной исторіи того времени.

3. В. И. Семевскій, *Крестыанскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.*

Извѣстный специалистъ по Русскому государственному праву профессоръ Ал. Вас. Романовичъ-Славатинскій, съ готовностью принявшій на себя разсмотрѣніе книги г. Семевскаго, очерчивая значеніе этой послѣдней, замѣчаетъ, что, по собственнымъ словамъ автора, имѣетъ своимъ предметомъ характеристику отношенія законодательства, литературы и народа къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Поэтому можно было ожидать, что авторъ прослѣдитъ, какъ зарождалась и развивалась аболіціонистическая идея, какъ выражалась она въ законодательствѣ и литературѣ, въ воззрѣніяхъ общества и народа. Оказывается однако-же, что авторъ весьма неточно опредѣлилъ свою задачу, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ самъ-же приурочилъ ее къ разсмотрѣнію исключительно вопроса объ ограниченіи и уничтоженіи крѣпостнаго состоянія и обѣщаетъ говорить лишь объ измѣненіи быта помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ.

Сочиненіе г. Семевскаго представляетъ собою сводъ матеріала по крестьянскому вопросу, не только изданнаго, но и рукописнаго. Какъ сводъ матеріала, оно въ этомъ значеніи составляетъ цѣнный вкладъ въ литературу крестьянскаго вопроса,

но какъ *изслѣдованіе*, работа эта представляетъ многіе и существенные недостатки. Къ важнѣйшимъ изъ нихъ рецензентъ относитъ:

1) Неточное установленіе предмета и границъ основной задачи сочиненія, вслѣдствіе чего вниманіе автора, такъ сказать, расплывается.

2) Отсюда и не вполне стройный и послѣдовательный порядокъ изложенія: главы слѣдуютъ одна за другой не въ естественномъ порядкѣ діалектически развивающагося вопроса: одинъ и тотъ-же сюжетъ разбивается между нѣсколькими главами, а иногда въ одной и той-же главѣ трактуется о нѣсколькихъ предметахъ; послѣ главы, говорящей объ одномъ вопросѣ, слѣдуетъ глава, посвященная вопросу совсѣмъ другаго порядка.

3) Не рѣдко приводятся подробности и длинноты, невыясняющія дѣла, но излишне расширяющія объемъ книги.

4) Горячій полемическій тонъ, едва-ли умѣстный въ спокойномъ историческомъ повѣствованіи, трактующемъ о дѣятеляхъ уже умершихъ, о событіяхъ уже сбывшихся и завершившихся.

5) Довольно одностороннее — болѣе публицистическаго характера — отношеніе къ *мерзости* (какъ авторъ часто говоритъ) крѣпостнаго права, а не многосторонняя оцѣнка его социальна-политическихъ мотивовъ, для которой уже пришло время.

Но какъ ни существенны эти недостатки, они, по мнѣнію рецензента, искупаются многими капитальными достоинствами труда:

1) Авторъ выбралъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей внутренней исторіи.

2) Онъ исчерпалъ и сгруппировалъ рукописный матеріалъ.

3) Многія стороны въ исторіи крестьянскаго вопроса имъ впервые затронуты и освѣщены, между прочимъ — движеніе вопроса въ литературѣ, разработанное имъ съ усердіемъ.

4) Искренняя, горячая любовь къ дѣлу и усердное стремленіе добросовѣстно его выяснить.

«Въ концѣ концовъ, заключаетъ г. Романовичъ-Славятинскій, сочиненіе г. Семевскаго принадлежитъ къ числу такихъ работъ, что Академія Наукъ, стоя на стражѣ интересовъ науки и направляя ее на изслѣдованіе особенно важныхъ вопросовъ русской жизни, поступить вполне справедливо, если поощритъ трудолюбиваго автора къ дальнѣйшимъ работамъ, увѣнчавъ настоящую его работу *полною* или, по меньшей мѣрѣ, половинною Уваровскою наградой».

4. Платоновъ, *Древне-Русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ.*

Желая основать свой приговоръ о трудѣ г. Платонова на сужденіи о немъ вполне компетентнаго критика, Комисія обращалась съ просьбою рассмотреть этотъ трудъ къ профессору Московскаго университета Вас. Ос. Ключевскому.

Удовлетворяя этой просьбѣ, многоуважаемый знатокъ отечественной исторіи и литературы доставилъ намъ подробную рецензію, главныя заключенія которой мы позволимъ себѣ привести здѣсь.

Тему, избранную г. Платоновымъ, рецензентъ признаетъ нѣсколько рискованною, такъ какъ литературныя произведенія, могущія служить источниками для исторіи смутнаго времени, не только многочисленны, но и очень разнообразны по своимъ литературнымъ формамъ, по мѣсту и времени происхожденія, по взглядамъ ихъ составителей на описываемыя событія, наконецъ по цѣлямъ и побужденіямъ, которыми вызывалось ихъ составленіе. Ставя себѣ задачею «систематическій обзоръ» литературныхъ произведеній великорусской письменности XVII вѣка, самъ авторъ, впрочемъ, сознается, что ему не удалось выдержать единообразнаго приѣма ни въ общемъ порядкѣ изложенія, ни въ изслѣдованіи отдѣльныхъ произведеній.

Можно однако-же замѣтить и другіе пробѣлы въ изслѣдованіи г. Платонова. Такъ какъ въ повѣствовательной письменности о смутномъ времени отразились политическія партіи и мнѣнія, тогда боровшіяся, то методологическое удобство требовало, чтобы въ критическомъ обзорѣ этой письменности было объяснено происхожденіе этихъ партій и мнѣній, равно какъ и значеніе ихъ въ ходѣ смуты. Этого авторъ однако не сдѣлалъ, а отъ этого изслѣдованные имъ источники являются оторванными отъ исторической почвы, на которой они возникли. Далѣе авторъ, замѣчая, что литературный характеръ произведеній о смутѣ весьма разнообразенъ, отличаетъ между ними повѣсти или сказанія, житія, лѣтописи, хронографы, видѣнія и плачь. По мнѣнію рецензента, можно было бы ожидать, что г. Платоновъ выскажетъ свое сужденіе объ этихъ формахъ, о томъ, какъ надобно критику обращаться съ ними, и даже укажетъ, на сколько измѣнился ихъ стереотипный складъ подъ вліяніемъ новыхъ политическихъ понятій и тенденцій, которыя проводили въ этихъ формахъ публицисты XVII вѣка; но въ книгѣ г. Платонова не находится ни такого сужденія, ни такихъ указаній.

Затѣмъ хотя авторъ въ разбираемыхъ памятникахъ и отмѣчаетъ любопытныя измѣненія какъ въ самомъ міросозерцаніи, такъ и въ приѣмахъ изложенія лѣтописцевъ и составителей сказаній XVII вѣка, но усматриваемые имъ проблески политическаго размышленія и историческаго прагматизма г. Платоновъ не соединяетъ въ особый цѣльный очеркъ, а между тѣмъ, по замѣчанію проф. Ключевскаго, подобный очеркъ составилъ бы любопытную главу изъ исторіи Русской исторіографіи, изображающую одинъ изъ переломовъ въ ея развитіи; такого очерка кажется требовала бы и самая задача изслѣдованія, посвященнаго критическому изученію источниковъ нашей исторіи.

Впрочемъ, если г. Платоновъ и допустилъ нѣкоторые пробѣлы въ изученіи того, что разбираемые имъ памятники даютъ собственно для исторіи Русской политической мысли, то, по отзыву рецензента, критическая програма, которой держался авторъ, вполне соответствовала основной задачѣ — извлечь изъ памятниковъ все, что онъ находитъ въ нихъ пригоднаго для исторіи вѣдшихъ фактовъ смутнаго времени; онъ очень заботливо отнесся къ рукописному матеріалу: просмотрѣлъ болѣе 100 рукописей разныхъ библиотекъ, стараясь при изученіи cadaго памятника опредѣлить время его составленія и указать личность составителя, выяснить цѣли, какими руководился составитель и обстоятельства, при которыхъ онъ писалъ, найти источники его свѣдѣній и наконецъ характеризовать приблизительную степень общей достовѣрности или правдоподобности его разсказа. Вообще, тщательная разработка критико-библиографическихъ и биографическихъ подробностей составляетъ самую сильную сторону изслѣдованія г. Платонова. Но, внушая довѣріе къ выводамъ о происхожденіи, источникахъ и составѣ памятниковъ, изслѣдованіе г. Платонова не всегда достаточно убѣдительно въ оцѣнкѣ и характеристикѣ памятниковъ, какъ историческихъ источниковъ. Причину этого г. Ключевскій видитъ въ самой неопредѣленности критической мѣрки, прилагаемой изслѣдователемъ къ памятникамъ: основывая свою оцѣнку на качествѣ и количествѣ фактическаго матеріала, какое даетъ памятникъ историку, авторъ не вводитъ въ составъ этого матеріала политическихъ мнѣній и тенденцій, проводимыхъ въ памятникѣ, считая ихъ только литературными, а не историческими фактами и такимъ образомъ смѣшивая или отождествляя не вполне совпадающія между собою понятія.

Подвергнувъ внимательному разсмотрѣнію выводы автора о раз-